Текучая современность и имажинизм: размышления о социальных сетях и свободных ассоциациях

Марсело Д. Гомес

- психотерапевт, психоаналитик, г. Нью-Йорк, США
- член Американской психологической ассоциации, Вермонтской ассоциации психоаналитических исследований, доктора религиоведения в Бостонском университете,
- кандидат наук в Университете Зигмунда Фрейда (Вена, Австрия).

Социальные сети оказывают существенное влияние на то, как мы воспринимаем мир и взаимодействуем с другими людьми. Быстрое развитие технологий привело к созданию платформ, способных манипулировать людьми за счет визуального и эмоционального воздействия. Изменяют ли новые модели общения психические процессы пациентов? Становятся ли свободные ассоциации более образными? Современный клинический сеттинг позволяет по-новому взглянуть на пересечение социального и индивидуального, на способы самовыражения пациентов и интерпретации аналитиков.

Фокусом настоящей статьи являются имажинистские репрезентации в социальных сетях. При этом, в статье также исследуется концепция счастья, поскольку многие проблемы, с которыми сталкивается современный человек в виртуальной реальности, тесно связаны с его стремлением к счастью.

То, что мы считаем счастьем ... действительно существует, но мы не достигаем его, потому что оно всегда находится там, куда мы его помещаем, а мы никогда не помещаем его туда, где находимся сами.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЧАСТЬЯ И ОБЩЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

«То, что мы считаем счастьем ... действительно существует, но мы не достигаем его, потому что оно всегда находится там, куда мы его помещаем, а мы никогда не помещаем его туда, где находимся сами» (Старая тема I, Висенте де Карвальо,1866–1924).

Висенте де Карвальо, выдающийся бразильский поэт и писатель, родился в 1866 и прожил до 1924 года. Он принадлежал к движению парнасцев в Бразилии, и в своих произведениях особое внимание уделял форме, структуре и четкому ритму. В его поэзии часто затрагиваются темы тоски, разлуки и неуловимого ощущения счастья, что нашло отражение в его стихотворении “Старая тема I” (Old Theme I). Несмотря на краткость своих стихов, Карвальо удавалось запечатлеть суть человеческих эмоций и экзистенциальных проблем в понятной, но очень красноречивой форме. Его творчество внесло значительный вклад в бразильскую литературу, и вдохновляет писателей и поэтов на исследование человеческих эмоций и желаний. Стихотворение В. Карвальо передает напряженность, существующую между желаниями и внешней реальностью, намекая на несоответствие между счастьем и требованиями общества, о чем говорил З. Фрейд. В своей работе «Недовольство культурой» Фрейд говорит, что «счастье, в самом прямом смысле, происходит от удовлетворения (желательно внезапного) потребностей, которые были сильно подавлены». (Фрейд 1933, с. 76).

Счастье, в самом прямом смысле, происходит от удовлетворения (желательно внезапного) потребностей, которые были сильно подавлены.

Он также исследует концепцию вины как следствия развития цивилизации и как ее проникновение отражается на счастье. Он утверждает, что по мере развития цивилизации люди вынуждены подавлять свои инстинкты и желания, чтобы соответствовать общественным нормам и ценностям. Это подавление приводит к усилению чувства вины, что в конечном итоге приводит к потере состояния счастья. «Цена, которую мы платим за развитие цивилизации, – усиление чувства вины, и как следствие, потеря счастья» (стр. 134). Людьми от природы движут такие инстинкты, как агрессия, сексуальность, эмоциональные привязки и самосохранение. Однако во имя гармоничной жизни люди должны подавлять эти инстинкты и соответствовать ожиданиям общества. Такая постоянная борьба между внутренними потребностями и общественными нормами порождает чувство вины, укрепляемое страхом подвергнуться осуждению, изгнанию или наказанию. Более того, З. Фрейд утверждает, что усиление чувства вины является необходимым жертвоприношением в угоду развития и поддержания цивилизации. По мере того, как общество становится более сложноорганизованным, его эффективное функционирование требует соблюдения все более строгих правил и норм. Исходя из положений З. Фрейда, счастье можно рассматривать в контексте внутренней личностной динамики, связанной с удовлетворением; еще со времен древних цивилизаций, благодаря социальным механизмам, появляется культура, основанная на искусственном значении счастья.

В греческой культуре счастье было идеей, которая изначально ассоциировалась с религией. Считалось, что боги дарят счастье в награду за добродетельную жизнь. Следовательно, счастье рассматривалось как благо, основанное на определенном качестве – главным образом, добродетели. Эту идею активно развивали философы-софисты, которые были в авангарде культурного движения в Греции.

Цена, которую мы платим за развитие цивилизации, — усиление чувства вины, и как следствие, потеря счастья.

Однако позже эта концепция была оспорена греческими философами, которые считали счастье индивидуальным достижением каждого отдельного человека. Счастье как благо, основанное на качестве, было заменено концепцией эвдемонии, или счастья как состояния бытия. Это состояние бытия достигается благодаря стремлению к добродетели и знаниям, которые наполняют жизнь смыслом.

Позже в религии появляется другая интерпретация счастья – счастье как благо, утраченное из-за человеческой природы, которое, однако, можно вновь обрести благодаря божественному вмешательству, обращению в веру или духовному росту.

Согласно западному христианскому мировоззрению, счастье – это то, чего люди лишились из-за первородного греха. Оно рассматривалось как награда за праведную жизнь, которая была возможна только через веру. Эта концепция счастья распространялась в Средние века и существовала вплоть до эпохи Просвещения. Благодаря мыслителям эпохи Просвещения произошел сдвиг в понимании счастья. Они считали, что счастье является фундаментальным фактором, придающим ценность человеческой жизни. Право на счастье стало естественным законом, фундаментальным правом каждого.

В современном мире счастье воспринимается как фрагментарная идея. Люди часто отождествляют счастье с успехом, материальными благами и популярностью в социальных сетях. Погоня за счастьем превратилась в постоянные крысиные бега, которые приводят к повышению уровня стресса, тревоги и депрессии. Счастье часто представляется как недостижимый идеал, для обретения которого требуется подтверждение извне. Социальные сети усугубили ситуацию, создав нереалистичные стандарты красоты, богатства и успеха, подпитывая веру в то, что счастья невозможно достичь, не соответствуя этим стандартам. Эта постоянная игра в сравнения негативно сказывается на психическом здоровье людей и приводит к ощущению неадекватности, разобщенности и эмоциональной зависимости.

Усиление чувства вины является необходимым жертвоприношением в угоду развития и поддержания цивилизации.

На понимание счастья повлияла модель, основанная на трех трагедиях: трагедии быстрых результатов, трагедии поляризации и трагедии единообразия. Согласно трагедии быстрых результатов, люди предпочитают средства, позволяющие добиться быстрого разрешения проблемы: наркотики, алкоголь

или отвлекающие факторы в виде социальных сетей. Причиной такой трагедии может являться то, что некоторые характеристики психического функционирования коренятся в нарциссических защитах и нежелании признавать уязвимость (Стефано Болоньини, 2023).

Трагедия поляризации – еще один компонент, влияющий на счастье, связанный с необходимостью быть на правильной стороне в любой дискуссии или идеологическом разногласии. Политические, религиозные и социальные различия привели к глубокой поляризации среди людей, что значительно ослабляет возможность найти достаточно хорошие пространства.

В психоаналитических терминах поляризацию можно рассматривать как социальное проявление процессов расщепления, дезорганизующих внутренний мир человека. В статье Франко де Мази, опубликованной в итальянском психоаналитическом журнале, утверждается, что виртуальная реальность может изменять и подрывать обычные критерии познания, искажая личностный рост человека (Masi, 2023, стр. 65–66).

Интернет и социальные сети усугубили трагедию поляризации, создав эхо-камеры, где единомышленники формируют свой замкнутый мир, в котором людей, не соответствующих мнению группы, уничижают и отвергают.

Еще со времен древних цивилизаций, благодаря социальным механизмам, появляется культура, основанная на искусственном значении счастья.

Третья трагедия, трагедия единообразия, возникает как антитеза ценности непохожести и разнообразия. В современном мире существуют различные верования, варианты исторического опыта, формы культурного самовыражения и религиозной принадлежности и т.д. Но однородность ставится выше плюрализма, что приводит к необходимости большей социальной интеграции и разнообразия. Отличающееся воспринимается как бета-элементы (Бион), которые невозможно соединить с другими элементами для формирования репрезентаций особых взглядов в процессе обмена знаниями и интеграции информации.

С психоаналитической точки зрения счастье тесно связано с личностью и процессом психической организации, это побочный продукт того, что Уилфред Бион называл альфа-функцией. Альфа-функция относится к способности создавать смысл из необработанного содержимого бессознательного, это процесс в сознании, который преобразует хаотичные сенсорные переживания в связные и мыслимые психические репрезентации. В основе альфа-функции лежит способность выносить фрустрацию и неопределенность. Такая способность необычайно важна, потому что жизнь часто непредсказуема, а обстоятельства меняются с высокой скоростью и частотой.

Если вновь обратиться к стихотворению В. Карвальо, можно заметить, что наряду с «цивилизацией и недовольством ею» во все времена счастье помещалось в различные

места, где нас нет; таким образом возникают обособленные пространства и, следовательно, психическое отсутствие. Такое отсутствие может исказить восприятие человеком реальности и в конечном итоге способствовать целому ряду внутренних дезорганизаций, включая не невротические состояния (Грин, 1975).

Описывая свою проблему, пациенты часто говорят: «я хочу быть счастливым» или «я хочу обрести счастье», что, возможно, является признаком психического отсутствия, когда метакоммуникация предполагает дистанцию между бытием и счастьем в смысле достаточно хорошего состояния, в котором переживается интеграция. У каждого есть бессознательное желание испытывать счастье как часть своего внутреннего бытия, а не как нечто созданное коллективными фантазиями в рамках социальной динамики.

ОТ СЧАСТЬЯ К ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ...

Изменения, произошедшие в современных обществах, особенно после 1960-х годов, описаны в большом количестве научных работ. Социолог Зигмунт Бауман (2000) считает такие изменения радикальными, с точки зрения мышления и социальных связей, и называет это эпохой текучей современности. В контексте, где преходящее заменяет постоянное, глобализация разрушает экономическую логику холодной войны, размывает национальные границы, позволяет звучать лишь господствующим языкам, а человек сталкивается с цифровым миром и новыми формами клинического опыта.

Одно из новых измерений в постмодернистской клинической практике можно наблюдать через новые формы психического содержания свободных ассоциаций. Согласно Лапланшу и Понталису (1973), свободная ассоциация – это «метод, согласно которому необходимо озвучивать все без исключения мысли, которые приходят на ум... слова, числа, образы из сна или вообще любые идеи» (с. 169). Учитывая изменения, вызванные появлением социальных сетей и их имажинистских моделей общения, эмоционального самовыражения и отношений, специалистам по клинической практике необходимо обращать внимание на изменение репертуара переживаний, которым необходимо придать голос, а также на изменившуюся природу самого «голоса», который часто звучит на различных платформах, устанавливающих свои правила и условия создания профилей, постов, форумов, а также имеющих свои интерактивные инструменты.

В мозаике виртуальной жизни преобладают образы. На смену художественному творчеству, где правит исключительно талант, приходят более демократичные и более популярные визуальные формы выражения: фотографии, видеоролики, короткие цифровые сториз и так далее. Такое увеличение количества визуальных элементов в публикациях и взаимодействиях в социальных сетях оказывает влияние на коммуникацию, социальные связи и виртуальную идентичность.

> На понимание счастья повлияла модель, основанная на трех трагедиях: трагедии быстрых результатов, трагедии поляризации и трагедии единообразия.

У каждого есть бессознательное желание испытывать счастье как часть своего внутреннего бытия, а не как нечто, созданное коллективными фантазиями в рамках социальной динамики.

В рассказывании историй происходит сдвиг от использования слов к использованию образов, от опыта пережитого к опыту виртуальному, от письменного и проговоренного к образно сконструированному. Это движение медленно, но неуклонно может менять то, как мы живем, что мы чувствуем, и как мы выражаем себя. Следовательно, оно влияет на порождение пациентами свободных ассоциаций — и, возможно, на восприятие аналитиками психических процессов.

Например, молчание обычно воспринимается как форма сопротивления или симптом. Тем не менее, насыщенная изображениями динамика виртуального мира может привести к появлению новой формы молчания, которая не обязательно является сопротивлением или симптомом. Молчание или низкий уровень вербальной экспрессии во время сеанса могут указывать на богатое содержание образов в сознании пациента или на переживание, когда психический процесс перегружен образными паттернами. Это может быть связано с новыми формами эмоциональной и социальной идентичности, вызванными виртуальными формами коммуникации в социальных сетях или, по крайней мере, находящимися под их сильным влиянием.

В «Обществе спектакля» Ги Дебор (1967–1983) формулирует идею двух движений, лежащих в основе современной социальной идентичности: движение от бытия к обладанию и от обладания к видимости. «Когда реальный мир превращается в простые образы, простые образы становятся реальными существами» (с. 6).

Однако, согласно Ги Дебору в эпоху постмодерна образы выполняют функцию посредников, созданных потребительским мышлением, которое определяет социальную идентичность. «Спектакль – это не набор образов; это, скорее, социальные отношения между людьми, которые опосредуются образами» (с. 12).

Для обоснования этого аргумента можно обратиться к двум современным явлениям: политической поляризации и экстремизму в социальном и религиозном контекстах.

Первое явление связано с высокой полярностью политических арен в социальных сетях, когда поляризация воспринимается как результат того, что две стороны нашли место в социальной динамике и могут оказывать влияние или манипулировать значительной группой людей, отстаивать свои взгляды, добиваться власти и авторитета в социальных структурах; такое «перетягивание каната» может очень далеко зайти, поскольку даже один единственный пост может вызвать волну острых конфликтов и споров.

Структура социальных сетей основана на изображениях или, в случае сети Twitter, коротких текстах. Степень поляризации растет по мере того, как различные политические партии усиливают свое присутствие на этих платформах, поэтому следует учитывать роль изображений в формировании нашего социального мира.

Вторым явлением, которое обеспечивает влияние имажинистских паттернов социальных сетей на формирование постмодернистской идентичности, является

экстремизм. Рост насилия и дискриминации по всему миру — от массовой стрельбы в США до движения ультраправых в политике и религии во многих других странах — указывает на движение в обратном направлении. Если пространство для демократических дискуссий расширяется, а информация становится более доступной, как можно объяснить рост экстремизма?

Мощная имажинистская сила платформ социальных сетей может быть одним из проводников этого пагубного процесса, с которым сталкивается постмодернистское общество и который раскрывается как манипулятивный механизм, создающий иллюзии. В работе «Психология масс и анализ Я» (1921) Зигмунд Фрейд писал о поведении и мышлении экстремистских групп: эти группы никогда не стремятся к истине. Они требуют иллюзий и не могут без них обойтись. Они постоянно ставят нереальное выше реального; на них почти так же сильно влияет то, что не соответствует действительности, как и то, что истинно (с. 80). Иллюзия здесь связана с подавлением и манипуляцией в коллективной динамике. Стремясь быть частью групповой динамики, члены группы подавляют личные желания, безоговорочно следуя за лидером группы. В результате может возникнуть уязвимость членов группы и их подверженность влиянию лидеров любого типа, в том числе экстремистов.

> Насыщенная изображениями динамика виртуального мира может привести к появлению новой формы молчания, которая не обязательно является сопротивлением или симптомом. Молчание или низкий уровень вербальной экспрессии во время сеанса могут указывать на богатое содержание образов в сознании пациента или на переживание, когда психический процесс перегружен образными паттернами.

З. Фрейд (1921) считал, что в группах индивиды связаны образами, а значит имажинистский контент в социальных сетях может затрагивать уязвимость людей и стать инструментом манипулирования, провоцируя иллюзорные или даже бредовые состояния и усиливая ненависть и жестокость. В этом смысле можно говорить о том, что экстремистские настроения могут в значительной степени усиливаться с помощью этого имажинистского механизма, называемого социальными сетями.

Если имажинистская реальность социальных сетей провоцирует рост поляризации и экстремизма, и это формирует идентичность отдельных людей и социальных групп, то весьма вероятно, что она влияет и на воспроизведение бессознательного и ассоциативного материала в клинических условиях.

Нарциссические или диссоциативные состояния усиливаются иллюзорным миром, защищенным и подкрепляемым существующими алгоритмами. Что касается нарциссизма, возможно, некоторые аспекты социальных сетей определенным образом подкрепляют нарциссическую личность. К таким аспектам относятся: потребность получать

В эпоху постмодерна образы выполняют функцию посредников, созданных потребительским мышлением, которое определяет социальную идентичность.

как можно больше лайков, постоянная потребность в присутствии в социальных сетях и размещении постов для привлечения большего числа подписчиков.

ПОСТМОДЕРНИЗМ, ИМАЖИНИЗМ И МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В начале 20-го века литературное движение под названием имажинизм стремилось заменить викторианскую субъективность в английской поэзии. Вместо сентиментализма, основой имажинизма являются ясный, простой язык, понятные образы, отражающие объективность темы; движение имажинизма в значительной мере формировалось под влиянием популярности фотографии. Акцент делался на простоте и точности языка, а также на использовании прямой образной репрезентации (Academy of American Poets, 2017). Характерным для данного движения является стихотворение Эзры Паунда, основателя школы имажинизма, «Стеклянное море» (1917):

Я посмотрел и увидел море,
С куполом из радуг,
На каждой из которых
Встретились и расстались двое влюбленных;
Затем небо наполнилось лицами,
За которыми виднелось золотое сияние.

Имажинизм служит отличной аналогией, полезной для понимания визуальных моделей социальных сетей и способов, посредством которых социальные сети влияют на все сферы общественной жизни, включая политику, образование, религию и клиническую практику. Вместо субъективных и образных форм повествования, которые ранее были основой книг и реального взаимодействия, теперь изображения в социальных сетях и «твиты» формируют функционирование социальных групп, а также личные интересы, ценности и даже ментальные представления о мире, в котором мы живем.

В группах индивиды связаны образами, а значит имажинистский контент в социальных сетях может затрагивать уязвимость людей и стать инструментом манипулирования, провоцируя иллюзорные или даже бредовые состояния и усиливая ненависть и жестокость.

Как отмечалось ранее, слабая выраженность дискурса пациентов в постмодернистских клинических условиях может отражать влияние социальных сетей, усиливающих имажинистские формы взаимодействия, виртуальные отношения и коммуникацию. Психоаналитики могут рассматривать молчание пациента как форму сопротивления, но необходимо переосмыслить эту парадигму и учитывать как имажинистский формат социальных сетей формирует психологическое функционирование, лингвистические паттерны общения и эмоционального взаимодействия.

Зигмунд Фрейд первым обратил внимание на то, как образные компоненты становятся связанными с определенными характеристиками манипулируемых групп, формируя социальный менталитет и подавляя индивидуализацию: «Группа необычайно доверчива и открыта влиянию... Она мыслит образами, воздействующими друг на друга посредством ассоциаций... и чье соответствие реальности никогда не проверяется разумом» (1921, с. 78).

Многие популярные платформы социальных сетей поощряют общение с помощью изображений и коротких высказываний. Большинство их пользователей – подростки и молодые люди. По данным статистического исследования Осье и Андерсона (Auxier and Anderson, 2022), большинство американцев говорят, что они используют YouTube и Facebook, а среди молодежи в возрасте до 30 лет наиболее популярными платформами являются Instagram, Snapchat и TikTok.

> Теперь изображения в социальных сетях формируют функционирование социальных групп, а также личные интересы, ценности и даже ментальные представления о мире, в котором мы живем.

Если ментальные репрезентации создаются интернализацией того, что происходит между нами и внешним миром, какие типы представлений сформируются в сознании тех, кто преимущественно учится и взаимодействует в социальных сетях с имажинистским контентом?

Согласно точке зрения Фрейда, индивиды в этом контексте могут отказаться от своих собственных мнений и ценностей, чтобы придерживаться образной логики группы (Freud, 1921). Если отчуждение – лучшее слово для описания того, что имеет в виду Фрейд, то можно представить сеть отчуждающих пузырей, созданных различными имажинистскими нарезками социальных сетей. Это отчуждение также может быть связано с определенными состояниями психического здоровья, например, с депрессией. Согласно исследованию, проведенному в 2018 году, симптомы депрессии коррелируют со временем, проведенным в социальных сетях (Hunt et al., 2018). Исследование проводилось в Университете Пенсильвании с участием 143 испытуемых. От участников требовалось в течение трех недель сократить ежедневное время, проводимое на платформах социальных сетей. Результаты исследования показали значительное снижение выраженности симптомов депрессии у участников.

Группа необычайно доверчива и открыта влиянию... Она мыслит образами, воздействующими друг на друга посредством ассоциаций... и чье соответствие реальности никогда не проверяется разумом.

ФРАГМЕНТАЦИЯ, СВЯЗАННОСТЬ И ВИРТУАЛЬНОЕ БЫТИЕ

Постмодернистский процесс обмена информацией больше не имеет линейного формата. Модели «сверху вниз» были опровергнуты многообразием способов обеспечения доступности информации в виртуальном мире, и, более конкретно, в социальных сетях. Информационная сеть формируется в горизонтальном и разнонаправленном спектре и подвергает воздействию каждого. Важным наблюдением относительно этого сценария является тот факт, что постмодернистский субъект как виртуальное существо формируется не под влиянием опыта реальной жизни, а под влиянием мозаики виртуальных переживаний в виртуальном мире. При этом, элементами мозаики являются не идеальные квадраты, которые подбираются подходящими друг к другу по мере строительства. Напротив, мозаика представляет собой совокупность частей различных форм, которые не могут идеально подходить друг к другу, а, скорее, подгоняются друг к другу таким образом, чтобы можно было что-то построить.

Социальные сети предлагают эту мозаичную форму обмена информацией. Изображения, аватары, мемы и любой другой типичный контент социальных сетей становятся типом имажинистско-виртуально-социального взаимодействия, которое символически интроецируется.

Джордж Герберт Мид (1934) назвал этот процесс символическим интеракционизмом, при котором самость была бы символической конструкцией, а общество инкорпорировано в человеческую психику.

Оценивая влияние социальных сетей, где информация и знания распространяются с огромной скоростью, необходимо учитывать, как люди воспринимают воздействие социальных сетей на эмоциональном уровне, и как взрослая самость переживает эту виртуальную динамику расщепления идентичности или социальной дифференциации «Я». Это указывает на необходимость дальнейшего изучения репрезентативных различий или различных внутренних процессов расщепления и, если эти различия существуют, исследовать то, как они влияют на свободные ассоциации и клиническую работу.

Индивиды могут отказаться от своих собственных мнений и ценностей, чтобы придерживаться образной логики группы.

Исходя из гипотезы о влиянии социальных сетей на динамику расщепления идентичности, невозможно игнорировать тот факт, что эта виртуальная среда,

в которой доминируют образные паттерны, формирует новые формы идентичности и, следовательно, новые типы личности.

Аватары и метавселенная – это не просто результат технического прогресса; они представляют новую форму бытия – виртуального индивида. Если рассматривать самость в ее первичной форме - как лингвистическую кульминацию богатого и продолжающегося процесса социальной интеграции (Кашдан, 1988), то какие формы интернализации и метаболизации происходят в этом новом мире виртуальной жизни? И как этот процесс метаболизации может влиять на свободную ассоциацию и аналитическую интерпретацию?

Очевидно, что в виртуальном пространстве письменный и устный дискурс находятся в процессе замены имажинистским содержанием. В клинических условиях язык, как и ментальные репрезентации, также может находиться в процессе замены образными паттернами. Свободные ассоциации также могут двигаться, скорее, в направлении образов, чем слов, и делать образы преобладающими в мыслительных процессах.

Эти размышления не означают, что от языка, письменного или устного, отказываются. Это было бы невозможно и несовместимо с социальной и психологической организацией нас как человеческих существ, испытывающих глубокую потребность в общении. Актуальным становится вопрос о том, происходит ли и каким образом происходит свободная ассоциация в психических процессах, если учитывать новые формы коммуникации и, более конкретно, имажинистские паттерны, которые доминируют в социальных сетях и которые становятся основной формой коммуникации, особенно среди молодых поколений.

Виртуальность меняет всю концепцию взаимодействия и эмоциональной привязанности. Чтобы иметь возможность в полной мере оценить последствия этих изменений, жизненно важно переосмыслить психоанализ в эпоху текущей современности.

Изображения, аватары, мемы и любой другой типичный контент социальных сетей становятся типом имажинистско-виртуально-социального взаимодействия, которое символически интроецируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Academy of American Poets. (2017, September 5). A brief guide to imagism. Poets.org. https://poets.org/text/brief-guide-imagism
2. Auxier, B., & Anderson, M. (2022, May 11). Social media use in 2021. Pew Research Center, Internet, Science & Tech. Retrieved August 18, 2022, from https://www.pewresearch.org/internet/2021/04/07/social-media-use -in-2021/
3. Bauman, Z. (2000). Liquid modernity. Polity Press.
4. Cashdan, S. (1988). Object relations therapy: Using the relationship. W.W.
5. Norton. Debord, G. (1983). The society of the spectacle (D. Nicholas-Smith, Trans.). Black & Red. (Original work published 1967)
6. Freud, S. (1921). Group psychology and the analysis of the ego. In J. Strachey (Ed. & Trans.), The standard edition of the complete psychological works of Sig- mund Freud (vol. 18, pp. 65–143). Hogarth Press, 1953–1974.
7. Hunt, M. G., Marx, R., Lipson, C., & Young, J. (2018). No more FOMO: Limit- ing social media decreases loneliness and depression. Journal of Social and Clinical Psychology, 37(10), 751–768. https://doi.org/10.1521/jscp.2018 .37.10.751
8. Laplanche, J., & Pontalis, J.-B. (1973). The language of psycho-analysis (D. Nicholson-Smith, Trans.). W.W. Norton.
9. Mead, G. H. (1934). Mind, self, and society from the standpoint of a social behavior- ist. University of Chicago Press.
10. Pound, E. (1917). The sea of glass. In Lustra of Ezra Pound with earlier poems. Alfred A. Knopf.